

—ФАНТАСТИКА—
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

УОЛТЕР М. МИЛЛЕР-МЛАДШИЙ

ГИМН ЛЕЙБОВИЦУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
М60

Серия «Фантастика: классика и современность»

Walter M. Miller Jr.
A CANTICLE FOR LEIBOWITZ

Перевод с английского *М. Гарутина, М. Головкина*

Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения Haneen Arafat c/o Don Congdon
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Миллер-младший, Уолтер М.

М60 Гимн Лейбовицу: [роман] / Уолтер М. Милер-младший; [пер. с англ. М. Гарутина, М. Головкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-099469-4

После ядерной войны цивилизация отброшена на много веков назад. Суровые земли, на которых сложно вырастить какой-либо урожай. Суровые люди, с ненавистью относящиеся ко всему новому и непонятному, и хуже всего — к ученым, носителям знания, — потому что именно они, по общему мнению, довели мир до катастрофы.

Насельники аббатства, расположенного в пустыне на юго-западе США, в течение веков ведут кропотливую работу, собирая по крохам и обрывкам все доступные знания — книги, записи, устные предания. Когда-нибудь эта титаническая работа возродит цивилизацию.

Но стоит ли возрождать канувший в лету мир?

Что, если любое знание таит в себе роковые ошибки, неизбежно ведущие человечество к гибели?

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099469-4

© Walter M. Miller Jr., 1959

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

FIAT HOMO¹

1

Брат Фрэнсис Джерард из Юты, постившийся в пустыне, возможно, и не нашел бы священные документы, если бы не паломник с препоясанными чреслами.

Завидев его на горизонте, юный послушник почувствовал, как по спине пробежал холодок. Брат Фрэнсис ни разу в жизни не встречал паломников с препоясанными чреслами, но не сомневался в том, что этот — настоящий. Фигура пилигрима — крошечная, извивающаяся в дрожащем мареве загогулина, безногая, но с головой, материализовалась из зеркальной глазури разрушенного шоссе. Она скорее вползла, чем вошла в поле зрения, и это заставило брата Фрэнсиса стиснуть распятие на четках и пару раз пробормотать «Аве, Мария». Загогулина наводила на мысли о крошечных призраках, порождениях демонов жары, мучивших местных обитателей в подень, когда каждое существо, способное передвигаться по пустыне (за исключением грифов и немногочисленных монахов-отшельников, таких как Фрэнсис), лежало неподвижно в норе или пряталось под камнем от яростно палящего солнца. Столь целеустремленно шагать сейчас по дороге могло лишь чудовище, сверхъестественное или слабоумное создание. Брат Фрэнсис торопливо помолился еще и свято-

---

¹ Да будет человек (лат.).

му Раулю-Циклопу, покровителю недоношенных и уродов, чтобы тот защитил его от своих несчастных протеже. (Все знали, что на Земле обитают чудовища. Если существо рождалось живым, то по законам церкви и природы ему позволяли жить дальше, а тем, кто его породил, надлежало помочь ему дожить до совершеннолетия. Законы эти соблюдались не всегда, но достаточно часто для того, чтобы поддерживать разрозненную популяцию монстров, которые часто поселялись в самых удаленных уголках пустошей и рыскали по ночам вокруг костров, разведенных путниками).

Загогулина наконец выскользнула из дымки в чистый воздух и превратилась в паломника. «Аминь», — шепнул брат Фрэнсис, выпустив из рук распятие.

Паломник оказался высоким худощавым стариком с косматой бородой. В руке он сжимал посох, а за плечом у него висел бурдюк. Для призрака старик слишком смачно что-то жевал и сплевывал, а людоедом или разбойником он не мог быть, потому что выглядел больным и немощным. Фрэнсис тем не менее выскользнул из поля зрения паломника и присел за грудой камней, чтобы незаметно следить за ним. Редкие встречи незнакомых друг другу людей в пустыне всегда были отмечены печатью взаимного недоверия, и каждая из сторон готовилась как к теплому приему, так и к вооруженному столкновению. По старой дороге, которая вела мимо аббатства, какой-нибудь мирянин проходил не чаще трех раз в год — хотя аббатство окружал оазис, позволявший аббатству существовать и сделавший бы его естественным прибежищем для путников, если бы в то время дорога не тянулась из ниоткуда в никуда. Возможно, когда-то она была частью кратчайшего пути от Большого Соленого озера к Старому Эль-Пасо; к югу от аббатства она пересекала похожую каменную полосу, протянувшуюся с востока на запад. В последние годы этот перекресток разрушали не ноги людей, а время.

Паломник подошел уже так близко, что его можно было бы окликнуть, но послушник остался за каменным холмиком. Чресла паломника действительно были препоясаны куском грязной мешковины — его единственным предметом одежды, если не считать шляпы и сандалий. Старик упрямо шел вперед, опираясь на тяжелый посох, чтобы не нагружать искалеченную ногу. У него была ритмичная походка человека, за спиной у которого долгий путь и которому еще немало предстоит идти. Однако у развалин он остановился, чтобы осмотреться.

Фрэнсис прижался к земле.

Среди каменных курганов — останков древних зданий — тени не было, однако опытный путешественник мог с помощью больших камней обеспечить прохладу отдельным частям своего тела. Брат Фрэнсис с одобрением отметил, что паломник, быстро найдя камень подходящих размеров, не стал поспешно за него хвататься, но, встав на безопасном расстоянии, принялся раскачивать его, используя посох в качестве рычага, а другой камень поменьше — в качестве точки опоры. Из-под большого камня, как и следовало ожидать, выползло некое существо. Путешественник хладнокровно убил змею посохом и отбросил еще извивающийся труп в сторону. Разобравшись с обитателем расселины, паломник перевернул камень. Затем, приподняв край набедренной повязки, опустил свои сморщеные ягодицы на относительно прохладную поверхность камня, сбросил с себя сандалии и прижал подошвы ног к песку ямки. Освежившись таким образом, он пошевелил пальцами ног, улыбнулся беззубым ртом и стал напевать себе под нос какую-то песню на неизвестном послушнику языке. Брат Фрэнсис, устав пригибаться к земле, беспокойно заерзал.

Напевая, паломник развернул тряпичку, в которую были завернуты сухарь и кусок сыра. Потом встал и гнусаво проблеял: «Благословен будет Адонай Элохим, Царь

вселенной, волей которого хлеб возникает из земли». Сказав эти слова, он снова сел и принялся за еду.

Воистину, путник прибыл издалека, подумал брат Фрэнсис. Послушник не знал ни одного соседнего государства, в котором правил бы монарх со столь странным именем и столь странными притязаниями. Брат Фрэнсис предположил, что стариk совершаet искупительное паломничество — возможно, к раке, находящейся в аббатстве, хотя рака официально еще не стала таковой, поскольку ее «святой» еще не стал святым. Другой причины, по которой старый путник оказался на дороге, ведущей в никуда, Фрэнсис придумать не мог.

Паломник поглощал хлеб и сыр не торопясь, а послушник, по мере того как слабела его тревога, становился все беспокойнее. Правила не разрешали ему заговорить по своей воле со стариком во время Великого поста, но если он бы вышел из укрытия за грудой камней, то паломник непременно бы увидел или услышал его. А покидать окрестности своего уединенного жилища Фрэнсису также воспрещалось.

По-прежнему неуверенно брат Фрэнсис громко откашлялся и встал во весь рост.

Хлеб и сыр отлетели в сторону. Паломник схватил посох и вскочил.

— Ах, вот ты как! Подкрадываться вздумал!

Он угрожающе замахнулся посохом на фигуру в капюшоне, которая появилась из-за груды камней. Брат Фрэнсис заметил, что толстый конец посоха заканчивается шипом. Послушник вежливо поклонился — трижды, — но паломник не обратил внимания на столь учтивые манеры.

— Не подходи! Держись от меня подальше, урод. У меня ничего нет — разве что сыр. Его можешь взять. Но если тебе нужно мясо, то знай — у меня одни хрящи, и за них я буду драться. А теперь назад! *Назад!*

— Подожди... — Послушник умолк. Благие дела и даже обычная вежливость были важнее обета молча-

ния в Великий пост — если того требовали обстоятельства, — но мысль о том, что он по своей собственной воле заговорит, заставляла его слегка нервничать.

— Я не урод, добрый простак, — продолжил брат Фрэнсис, использовав вежливую форму обращения. Он откинулся кашюшон, чтобы показать тонзуру монаха, и поднял вверх руку с четками. — Ты знаешь, что это?

Несколько секунд старик, словно кошка, оставался готовым к бою, одновременно разглядывая молодое, со-жженное солнцем лицо послушника. Ошибка паломника была легко объяснима. Жуткого вида существа, бродившие по краю пустыни, часто носили кашюшоны, маски или просторную одежду, чтобы скрыть свое уродство. Среди них были и такие, у которых уродство по-разило не только тело, — те, кто считал путников на-дежным источником мяса.

Окинув взглядом послушника, паломник выпрямился.

— А, так ты один из этих. А там — аббатство Лей-бовица? — спросил он, указывая на юг, туда, где вдали сгрудились здания.

Брат Фрэнсис вежливо поклонился и кивнул.

— А ты что делаешь здесь, среди развалин?

Послушник подобрал камень, похожий на мел. Хотя вряд ли путник знает грамоту, брат Фрэнсис все же ре-шил рискнуть. Так как у простонародных диалектов не было не то что норм правописания, но даже алфавита, он написал на большом плоском камне «Покаяние, Одиночество и Молчание» на латыни, а ниже — то же самое на древнем английском. Несмотря на сильное не-осознанное желание пообщаться с кем-нибудь, послушник надеялся, что старик поймет его и уйдет, чтобы не прерывать бдений во время Великого поста.

Паломник криво усмехнулся, увидев надпись:

— Хм-м-м!.. Значит, вы все еще пишете задом на-перед. — Если старик и понял смысл написанного, то не снизошел до того, чтобы это признать. Он отложил

в сторону посох, снова сел на камень, поднял хлеб и сыр и принял очищать их от песка. Брат Фрэнсис облизнулся и отвел глаза — с Пепельной среды он не ел ничего, кроме плодов кактусов и пригоршни сухой кукурузы: правила поста и воздержания для послушников отличались строгостью.

Заметив его дискомфорт, паломник разломил хлеб и сыр, после чего предложил часть брату Фрэнсису.

Запасы воды у брата Фрэнсиса были очень скромные, и поэтому он страдал от обезвоживания — но, несмотря на это, его рот мгновенно наполнился слюной. Послушник не мог отвести взгляд от руки, протягивавшей ему пищу. Вселенная склонулась; в ее геометрическом центре теперь парили посыпанный песком ломоть темного хлеба и кусок бледного сыра. Некий демон приказал мышцам левой ноги шагнуть вперед. Затем демон вселился в правую ногу, чтобы поставить ее перед левой, и каким-то образом заставил его правую грудную мышцу и правый бицепс сократиться, чтобы рука коснулась кисти паломника. Пальцы ощупали пищу — кажется, они даже почувствовали ее вкус. Измученное голодом тело невольно содрогнулось. Брат Фрэнсис закрыл глаза и увидел господина аббата: тот смотрел на него с яростью и потрясал кнутом. Когда послушник пытался представить себе Святую Троицу, то Бог Отец постоянно принимал облик аббата — который, как казалось Фрэнсису, всегда был рассержен. Позади аббата горел костер; и из пламени умирающий великомученик Лейбовиц смотрел на своего постящегося протеже, застигнутого на попытке взять сыр.

Послушник снова содрогнулся.

— *Apage Satanas!*¹ — зашипел он, отскочив назад и уронив пищу. Затем выхватил из рукава крошечный флакон со святой водой и окропил ею старика, который в помутившемся от жары сознании послушника на миг предстал в образе дьявола.

¹ Изыди, сатана! (лат.)

Неожиданное нападение на Силы Тьмы и Искушения не привело к сверхъестественным результатам, а вот обычные результаты появились *ex opere operato*. Паломник-Вельзевул не превратился в облако серного дыма, зато, издав булькающий звук, побагровел и бросился на Фрэнсиса с леденящим кровь воплем. Путаясь в своем одеянии, послушник бежал, уверачиваясь от ударов посоха, увенчанного шипом; отверстия в его теле не появились только потому, что паломник забыл надеть сандалии, и его рывок перешел в череду прыжков. Казалось, внезапно он ощутил, что под его босыми ногами находятся раскаленные камни. Стариk остановился, о чем-то задумавшись. Когда брат Фрэнсис оглянулся, у него сложилось четкое ощущение, что обратно к прохладному камню паломник возвращается, прыгая на кончике большого пальца одной ноги.

Брат Фрэнсис устыдился того, что его пальцы все еще пахнут сыром, и вернулся к работе, которую сам себе и назначил. Паломник тем временем остужал ноги в песке и утолял свой гнев, время от времени бросая в юного послушника камни, если тот появлялся в поле зрения. В конце концов стариk устал и вернулся к поеданию хлеба и сыра и лишь изредка замахивался и ворчал.

Послушник бродил среди руин и время от времени возвращался к центральной точке своего проекта, с болезненным усилием прижимая к груди огромный камень. Паломник следил за тем, как брат Фрэнсис берет камень, измеряет его ладонью, отвергает, тщательно выбирает другой, вытаскивает из-под груды обломков, а затем, ковыляя, уносит. Один камень он уронил, пройдя лишь несколько шагов, после чего внезапно сел на землю и согнулся в три погибели — похоже, для того, чтобы не потерять сознание. Немного отдохнувши, Фрэнсис встал и доставил камень к месту назначения, катя его по земле.

Солнце обрушивало полуденные проклятия на иссохшую землю, накладывая анафему на все, в чем есть

влага. Несмотря на жару, Фрэнсис продолжал трудиться.

Запив остатки покрытых песком хлеба и сыра водой из бурдюка, паломник надел сандалии, с кряхтением поднялся и захромал в сторону развалин — туда, где трудился послушник. Заметив приближение старика, брат Фрэнсис отбежал на безопасное расстояние. Паломник в шутку замахнулся на него посохом, но, кажется, его больше интересовала не месть, а каменная кладка. Он остановился, чтобы осмотреть работу юноши.

У восточной границы руин брат Фрэнсис выкопал неглубокую траншею. Заступом ему служила палка, а лопатой — собственные руки. В первый день Великого поста он соорудил над траншееей крышу из веток кустарника, а ночью спрятался в ней от пустынных волков. Однако чем дольше длился его пост, тем больше оставалось следов его присутствия, и они привлекли к себе чрезмерное внимание волков. По ночам, когда догорал костер, зверюги скребли крышу над траншееей.

Поначалу Фрэнсис попытался отвадить их, увеличив толщину слоя веток и окружив траншею кольцом из камней, плотно уложенных в небольшой борозде. Но прошлой ночью кто-то запрыгнул на кучу ветвей и застыл, заставив лежащего на дне траншееи Фрэнсиса дрожать от страха. После этого Фрэнсис решил укрепить свое жилище и, используя кольцо камней в качестве фундамента, принялся возводить стену. По мере роста стена загибалась внутрь, но, так как огороженный участок был приблизительно овальной формы, камни каждого следующего слоя прижимали камни остальных слоев, не давая стене обрушиться внутрь. Брат Фрэнсис надеялся, что, тщательно подобрав камни, утоптав землю и загнав в щели камешки-«клины», ему удастся построить купол. И теперь, бросая вызов силе тяжести, над траншееей стояла неподкрепленная опорами арка — символ его амбиций. Когда паломник из любопытства

постучал по арке посохом, брат Фрэнсис взвизгнул, словно щенок.

Стремясь защитить свое жилище, послушник подошел ближе. Паломник взмахнул посохом и кровожадно завыл. Брат Фрэнсис немедленно наступил на подол своего одеяния и плюхнулся на землю. Старик рассмеялся.

— Хмм-хмм! Тут нужен камень необычной формы, — сказал он и загремел посохом, водя им туда-сюда в зазоре между камнями верхнего ряда.

Юноша кивнул и отвернулся. Он так и не встал, надеясь, что молчание и опущенный взгляд дадут старику понять: он, Фрэнсис, во время Великого поста не может не только говорить, но и мириться с чим-то присутствием. Послушник стал чертить сухой веточкой на песке: *Et ne nos inducas in...*¹

— Я ведь еще не предлагал превратить эти камни в хлебы? — раздраженно спросил путник.

Брат Фрэнсис быстро поднял взгляд. Значит, стариик знает грамоту — и притом читал Писание! Кроме того, его ремарка намекала на то, что он понимает, почему послушник вдруг воспользовался святой водой и почему он вообще здесь находится. Уже чувствуя, что паломник над ним посмеивается, брат Фрэнсис опустил глаза и стал ждать.

— Хмм-хмм! Значит, ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое? Ладно, тогда я, пожалуй, пойду. Скажи, а твои братья разрешат старику немного отдохнуть в тени аббатства?

Брат Фрэнсис кивнул.

— Еще они тебя накормят и напоят, — добавил он негромко в благотворительном порыве.

Паломник усмехнулся:

— За это я перед уходом найду подходящий камень. Да не оставит тебя Господь.

¹ И не введи нас во... (лат.)

— Вовсе не обязательно... — Протест остался невысказанным. Старик принялся бродить между груд камней, иногда останавливаясь, чтобы тщательно осмотреть определенный камень или поддеть его посохом. Поиски, конечно же, ни к чему не приведут, подумал послушник, ведь он сам с утра искал этот камень. Проще будет разобрать и перестроить часть верхнего слоя, чем найти камень, похожий на песочные часы. А паломник, разумеется, скоро потеряет терпение и отправится в путь.

Брат Фрэнсис тем временем отдохнул. Он молился о том, чтобы к нему вернулось внутреннее единение, которое являлось целью его бдений: чистый пергамент разума, на котором, возможно, будут начертаны слова призыва — если Неизмеримое Одиночество, которое есть Бог, протянет руку, чтобы прикоснуться к его собственному крошечному человеческому одиночеству и отметить его призвание.

Во время медитации послушника направляла «Книжечка», которую настоятель Чероки оставил ему в прошлое воскресенье. Ей было уже несколько столетий, и она называлась «*Libellus Leibowitz*»¹, хотя лишь недостоверное предание приписывало ее авторство самому блаженному.

— *Parum equidem te diligebam, Domine, juventute mea; quare doleo nimis...* Господь, мало я любил тебя в юности, отчего теперь страдаю безмерно. Напрасно я бежал от тебя в те дни...

— Эй! Сюда! — раздался вопль из-за обломков.

Брат Фрэнсис быстро поднял взгляд, паломника не увидел и продолжил чтение:

— *Repugnans tibi, ausus sum quaerere quid, quid doctius mihi fide, certius spe, aut dulcius caritate visum esset.* Отвернувшись от тебя, я посмел искать нечто более логичное, чем вера, более определенное, чем надежда, более сладкое, чем любовь. Кто глупее меня...

¹ Книжечка Лейбовица (лат.).

— Эй, парень! — снова раздался крик. — Нашел я тебе камень. По-моему, подойдет.

Когда брат Фрэнсис снова поднял взгляд, то заметил посох, которым размахивал паломник, подавая сигналы из-за груды камней. Вздохнув, послушник стал читать дальше.

— *O inscrutabilis Scrutater animarum, cui patet omne cor, si me vocaveras, olim a te fugeram. Si autem nunc velis vocare me indignum...* О неисповедимый повелитель душ, пред кем открыты все сердца; позови ты меня ранее, я бежал бы, но позови ты меня сейчас вновь, я, хоть и недостоин...

— Ладно, как знаешь, — донесся раздраженный голос из-за развалин. — Я отмечу камень и поставлю рядом с ним колышек. Хочешь — бери, хочешь — нет, дело твое.

— Спасибо, — вздохнул послушник, сомневаясь в том, что старик его услышал. Затем продолжил чтение: — *Libera me, Domine...* Избави меня, Господи, от грехов моих, дабы только твоей воли жаждал я...

— Ну, готово! — крикнул паломник. — Вот колышек, вот метка. Желаю тебе поскорее обрести голос, мальчик.

Вскоре после того, как замер последний выкрик, брат Фрэнсис заметил, что паломник пошел по тропе, ведущей к аббатству. Послушник быстро шепнул ему вслед слова благословения и прочел молитву о безопасном пути.

Снова обретя уединение, брат Фрэнсис отнес книгу к себе в «нору» и продолжил делать кладку из выбранных наудачу камней, не заботясь о том, чтобы осмотреть находку паломника. Пока измученное голodom тело поднимало тяжести, пошатываясь под их весом, его разум, словно машина, повторял молитву, дабы обрести уверенность в своем призвании свыше:

— *Libere me, Domine, ab vitiis meis...* Господь, освободи меня от моих пороков, чтобы в сердце своем я меч-